

Российский государственный гуманитарный университет
Институт филологии и истории
Кафедра теоретической и исторической поэтики

Лирическая эволюция К 70-летию Дарвина (Михаила Николаевича)

сборник статей

Издательство Э́дитус
Москва
2017

УДК 80
ББК 83
Л62

Л62 **Лирическая эволюция: к 70-летию Дарвина (Михаила Николаевича):
сборник статей / сост. и ред. В. Я. Малкина и В. И. Тюпа. – М.: Эдитус, 2017. – 390 с.
ISBN 978-5-00058-665-5**

Сборник «Лирическая эволюция» посвящен 70-летию профессора кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ М. Н. Дарвина и содержит статьи по проблемам, связанным с поэтикой лирики, циклизации и фрагментарности: общие вопросы теории лирики, поэтика лирических жанров и заглавий в лирике, анализ отдельных стихотворений, поэтические и прозаические циклы, поэтика фрагмента, вставные лирические тексты.

Книга адресована ученым-филологам, учителям литературы, студентам филологических факультетов.

УДК 80
ББК 83

ISBN 978-5-00058-665-5

© Авторы статей, 2017

© Дизайн обложки: Ельницкая А. А., 2017

Михаил Николаевич Дарвин

Содержание

Юбилейное	7
-----------------	---

ЛИРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Д.М. Магомедова.</i> Модели символистских текстов в теории и практике славянского и европейского модернизма.....	12
<i>А.Е. Махов.</i> Лирика как хвала: из истории идеи	24
<i>Ф.Х. Исрапова.</i> О двойственности финала в лирике	32
<i>В.Б. Зусева-Озкан.</i> «Голос мертвого» в лирике	53
<i>Ю.В. Доманский.</i> Косой дождь (ливень) в песенном художественном мире: к вопросу о соотношении события-детали в лирике и лирического события	66
<i>Е.И. Зейферт.</i> Имя и вещь: эффект лиминальности при переходе от имени к вещи, от вещи к имени	82

ЛИРИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ

<i>Н.Ю. Гвоздецкая.</i> Лирический эпилог к древнеанглийской поэме «Елена»: проблема жанра	98
<i>И.О. Шайтанов.</i> Как переводить жанр? (Шекспировский сонет 9).....	110
<i>В.И. Тюпа.</i> Семантический ореол жанровых заглавий (на примере оды).....	121
<i>М.М. Гельфонд.</i> Послание Боратынского Вяземскому как увертюра «Сумерек» и эпилог жанра	128
<i>С.Ю. Артёмова.</i> Трансформация жанра элегии в XX веке («Пярнуские элегии» Д. Самойлова).....	140

ЛИРИЧЕСКАЯ ЦИКЛИЗАЦИЯ

<i>Ю.С. Морева.</i> Основные книготорческие стратегии А. Белого в «Стихотворениях» 1923 года	152
<i>А.В. Корчинский.</i> «Восьмистишия» О.Э. Мандельштама: единство «цикла» и вариативность «опыта».....	161
<i>О.Ю. Казмирчук.</i> Стихотворение Б.Л. Пастернака «Зазимки» в контексте цикла «Переделкино»	170
<i>Н.И. Рейнгольд.</i> Цикл авторских переводов в творчестве В. Набокова и И. Бродского	177

Одинаковые ЛИРИЧЕСКИЕ ЗАГЛАВИЯ

О стихотворениях с одинаковым заглавием	198
<i>Е.Л. Левина.</i> О городе или о себе? «Помпеи» Д. Мережковского и И. Бунина.....	203
<i>М.Д. Самаркина.</i> Поэтика фотографического: «Снимок» В. Набокова и Б. Ахмадулиной	215
<i>В.В. Аверин.</i> От наблюдений к метафоре: «Ласточки» А. Фета, А. Тарковского, В. Ходасевича и В. Набокова	225
<i>В.Я. Малкина.</i> Миры отраженные и отражающие: «Зеркало» у российских поэтов.....	236

ЛИРИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ и их интерпретации

<i>Б.Ф. Егоров.</i> Переписка литературоведов (А.А. Литвиненко – рецензент книги Б.Ф. Егорова).....	268
<i>А.Г. Степанов.</i> «Мой лучший адресат...». Из поэтического диалога Е. Рейна с И. Бродским.....	279
<i>А.А. Чевтаев.</i> Стихотворение И. Бродского «Каппадокия»: антропология пространства	289
<i>Л.Ю. Фуксон.</i> Опыт интерпретации стихотворения А. Ахматовой «Поэт»	300
<i>А.В. Марков.</i> О сюжете стихотворения О. Мандельштама «К немецкой речи»	304

НЕ-ЛИРИЧЕСКОЕ

<i>П.П. Шкаренков.</i> Эволюция традиции: образы варварских правителей у Сидония Аполлинария	312
<i>С.П. Лавлинский.</i> Вставные поэтические тексты в структуре пьесы М. Горького «На дне».....	347
<i>О.В. Федунина.</i> Притча vs миф: особенности циклизации в книге Е. Зейферт «Сизиф & К°»	358
<i>С.С. Бойко.</i> ‘Книга’ как жанровая форма: «Несвятые святые» о. Тихона (Шевкунова).....	367
<i>В.А. Миловидов.</i> Дискурс власти и власть дискурса в контексте теории фрагмента	376
Сведения об авторах.....	385

М.М. Гельфонд

Послание Боратынского Вяземскому как увертюра «Сумерек» и эпилог жанра

В статье, посвящённой художественному миру «Сумерек» Боратынского, М.Н. Дарвин пишет о том «эффекте художественного единства»¹, который дало соединение в одной поэтической книге опубликованных ранее стихотворений. В частности, говоря об открывающем книгу стихотворении «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» и сопоставляя два варианта его публикации – в четвертом номере пушкинского «Современника» между текстами «Капитанской дочери» и «Вечера в Царском Селе» (1836) и в составе книги стихов «Сумерки» (1842) – он пишет о различных способах бытования художественного текста в разных контекстах, в том числе о смещении его жанровой функции: «Послание «К князю П.А. Вяземскому» становится посвящением «Князю Петру Андреевичу Вяземскому»². В «Сумерках» функция текста-посвящения подчеркивалась и графически: заглавие было вынесено на отдельную страницу, текст был набран курсивом³. Таким образом, первое стихотворение сборника словно бы оказывалось включенным в два тесно

¹ Дарвин М.Н. Художественный мир «Сумерек» Боратынского // Гуманитарные науки в Сибири. Филология, лингвистика. 2000. № 4. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Боратынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. Ч. 1. «Сумерки». Стихотворения 1835–1844 годов. Juvenilia. Коллективное. Dubia / ред. тома А.С. Бодрова, Н.Н. Мазур; подготовка текста и текстологический комментарий А.С. Бодровой при участии А.Р. Зарецкого, Н.Н. Мазур и А.М. Пескова. М., 2012. С. 12.

связанных между собой и в то же время глубоко различных жанровых и смысловых ряда. С одной стороны оно стало увертюрой «Сумерек», с другой – эпилогом жанра дружеского послания, а значит отчасти и эпилогом поэзии «школы гармонической точности» (Л.Я. Гинзбург), важнейшей составляющей которой этот жанр был. Первый контекст в значительной степени рассмотрен в статье М.Н. Дарвина – и это побуждает обратиться ко второму.

Связь стихотворения «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» с жанрово-семантическим каноном дружеского послания, по-видимому, не вызывала сомнений и у самого автора. В начале ноября 1834 года Е.А. Боратынский пишет С.Л. Энгельгардт: «По будущей почте пришлю тебе послание к Вяземскому»⁴. Характерное для послания заглавие было в первой, журнальной публикации, но признаки его сохранились и в публикации «Сумерек» – это прежде всего обращение к реальному, конкретному лицу, с которым автор связан общностью литературного круга. Вместе с тем в ходе развития лирического сюжета проясняется, что это обращение приобретает новый смысл.

Поэтический мир дружеского послания строился на представлении о нерушимой целостности дружеского круга, на свойственном ему «упоительном ощущении литературной общности»⁵. Так, «Мои пенаты» К.Н. Батюшкова были обращены к двоим – В.А. Жуковскому и П.А. Вяземскому; обычно в тексте дружеского послания упоминались вне зависимости от его адресата несколько поэтов, причастных общему кругу. В данном же случае перед нами переключка двух голосов «на воздушных путях», если обратиться к позднейшей метафоре Анны Ахматовой. Лириче-

⁴ Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. 1800–1844. М., 1998. С. 324.

⁵ Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород, 1994. С. 34

ский герой послания, осознающий себя добровольным затворником, обращается к другой «звезде разрозненной планеты» – и таким образом канон дружеского послания почти незаметно, но при этом значительно смещается относительно своих прежних границ.

В дружеском послании 1810-х – начала 1820-х годов сложился ряд свойственных ему тем и мотивов. М.Н. Виротайнен выделяет в качестве основных следующие: «отказ от всех суев света, скромное уединение в деревенском доме <...>, наслаждение природой, чтением, дружеский пир, в связи с которым так или иначе возникают напоминания о быстротечности жизни, и специфически оформленный мотив смерти»⁶. В открывающем «Сумерки» послании-посвящении все эти мотивы остаются, с одной стороны, вполне узнаваемыми, с другой – преображаются в новом смысловом контексте. Так, мотивы отказа от суев радостей жизни и счастливого уединения, свойственные сформировавшемуся после «Моих пенатов» К.Н. Батюшкова канону, перерастают в мотив добровольного заточения. Оно в свою очередь мотивировано разрывом с веком и миром общих ценностей – так в послание проникают в принципе не свойственные ему элементы инвективы (хотя, разумеется, в сравнении с обвинениями веку, звучащими в «Осени» и стихотворении «На посев леса»), они весьма приглушены):

Счастливым сын уединенья,
Где сердца ветреные сны
И мысли праздные стремленья
Разумно мной усыплены;
Где, другу мира и свободы,
Ни до фортуны, ни до моды,

⁶ Виротайнен М.Н. Две чаши (О дружеском послании 1810-х годов) // Русские пиры. СПб., 1998. С. 41. (Альманах «Канун». Вып. 3).

Ни до молвы мне нужды нет,
Где я простил безумству, злобе
И позабыл, как бы во гробе,
Но добровольно, шумный свет...⁷

Еще один устойчивый мотив дружеского послания – наслаждение природой и идиллическими радостями бытия – трансформируется в мучительную обреченность на созерцание «степей мира». Ожидание встречи и дружеского пиршества, которому в дружеском послании традиционно было подчинено движение лирического сюжета, оборачивается «тоскою жаркой и живой» по тому кругу, с которым герой уже не сможет воссоединиться в силу роковых обстоятельств:

Ищу я вас, гляжу, что с вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы, озарявшие меня
И дружбы кроткими лучами
И светом высшего огня?⁸

Но наиболее сложной оказывается трансформация мотивов, связанных с дружеским пиршеством и преодолением смерти. Если в каноническом послании преодоление Леты совершается в ходе пиршества радостно и незаметно («Смертный миг наш будет светел, / И подруги шалунов / Соберут их легкий пепел / В урны праздные пиров»)⁹, то лирический герой послания «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» уже осознает собственное бытие как пребывание по ту сторону Леты, причем парадоксально созданной им самим. Кажется, единственный раз, именно в этом послании, открывающем его последнюю книгу, Боратынский обвиняет в разрыве с веком себя. Очевидно, что речь здесь идет

⁷ Боратынский Е.А. Указ. соч. С. 11.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. Л., 1977. С. 289.

не о причащении поэтическому бессмертию, а напротив – о добровольном уходе от всеобщей жизни:

Еще порою покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи мира облетаю
С тоскою жаркой и живой.

Мотив эпикурейского полета, опережающего смерть («Мой друг! скорей за счастьем / В путь жизни полетим, / Упьемся сладострастьем / И смерть опередим»)¹⁰, сменяется полетом как промежуточным, неопределенным, мучительным состоянием – сродни тому, которое будет воплощено в «Недоноске» («И ношусь, крылатый вздох / Меж землей и небесами»)¹¹. Собственно, и обязательный для канона послания мотив «пиршества избранных» или «симпозиа»¹² в «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» практически утрачивается – и это при том, что редуцированный до оксюморона мотив одинокого пиршества разворачивается в весьма далеких от жанра дружеского послания «Осени» и «Бокале», также включенных в «Сумерки»¹³.

Само движение лирического сюжета «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» оказывается как бы зеркальным по отношению к жанровому канону. Если в традиционном послании сюжет строился на преодолении границ индивидуального бытия и соединении его со всеобщим, то в послании Боратынского именно индивидуальное бытие оказывается

¹⁰ Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе / издание подготовила И.М. Семенко. М., 1977. (Лит. памятники). С. 267.

¹¹ Боратынский Е.А. Указ. соч. С. 37.

¹² Виролайнен М.Н. Указ. соч. С. 62.

¹³ Гельфонд М.М. Мотив одинокого пира в поздней лирике Е.А. Боратынского // Преподавание и изучение русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России: материалы 4 Всероссийской научно-практической конференции РОПРЯЛ. Нижний Новгород, 2002. С. 63–64.

единственно возможной стратегией жизни, причем не только для лирического героя, но и для его адресата.

Звезда разрозненной плеяды!
Так из глуши моей стремлю
Я к вам заботливые взгляды,
Вам высшей благодати молю¹⁴.

Идеал, который культивировался дружеским посланием, предполагал устремленность в открытое, незаданное, легко преодолевающее смерть будущее. В послании князю Вяземскому этот идеал («кроткие лучи дружбы» и «свет высшего огня»), напротив, остается в прошлом. Художественный мир послания словно бы осмысляется через призму элегических формул («брошены судьбами», «молящий глас», «скорбный час»). Переосмысливается и та идиллическая топика «глуши», от которой отталкивалось обыкновенно дружеское послание¹⁵, – бытие в ней перестает быть желанным и становится скорее вынужденным, что в свою очередь предполагает и высокий стоицизм в отношении себя самого, и возможность заботы *о другом* – адресате послания, так же отъединенном от внешнего мира, как и лирический герой.

Наряду с дружеским посланием можно предположить и еще как минимум два жанрово-семантических контекста послания Боратынского Вяземскому. Первый – описательная поэма Боратынского «Пирь», в значительной степени аккумулировавшая элементы дружеского послания без традиционного для него развития лирического сюжета. Близость к «Пирам» стихотворения, открывающего «Сумерки», подчеркивается семантикой метра и строфики: отметим, что

¹⁴ Боратынский Е.А. Указ. соч. С. 12.

¹⁵ Теория литературных жанров / М.Н. Дарвин, Д.М. Магомедова, Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа; под ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2011. С. 123.

прощаясь с дружеским посланием, Боратынский обращается не к каноническому для жанра «бегущему, летящему трехстопному ямбу»¹⁶ «Моих пенатов» и их многочисленных отзвуков, а к ямбу четырехстопному. При этом первая часть астрофического послания князю Вяземскому состоит из тринадцати строк с чередованием перекрестной, парной и опоясывающей рифм, что близко, хотя и не тождественно первой тринадцатистрочной строфе «Пиров» (с ней в свою очередь перекликается и финал послания: «Безумству долг мой заплачен» / «Лениво дань свою плачу»).

Перекличка послания с описательной поэмой, понимается, не ограничивается соотносительностью метрики, строфики и отдельных поэтических формул. Так, заданный жанром образ «анакорета», укрытого «в смиренной хижине»¹⁷ и ожидающего к себе гостей-поэтов, словно бы предвещает подлинного, автобиографического героя-отшельника послания князю Вяземскому; призывание «на сладкий пир, на пир свиданья»¹⁸ Дельвига и Пушкина – обращение к «звезде разрозненной плеяды» без надежды на встречу; исполненный надежды финал «Пиров» – трезвое знание «судьбы суровой» и ее «грозных ударов». «Пир», таким образом, оказывается своего рода черновиком послания «Князю Петру Андреевичу Вяземскому», тем палимпсестом, на котором поэт записывает жизненные итоги. При этом условный образ героя-гедониста «Пиров» сменяется лирическим героем, очень близким к автобиографическому. Важной в этом контексте оказывается и адресация Вяземскому: на момент создания послания (оно датируется по письму Е.А. Боратынского С.Л. Энгельгардт ноябрем 1834 года)¹⁹ названного в

¹⁶ Виролайнен М.Н. Указ. соч. С. 48.

¹⁷ Баратынский Е.А. Пир // Полное собрание стихотворений. В 2 т. Т. 2 / Е.А. Баратынский. Л., 1936. С. 24.

¹⁸ Там же. С. 27.

¹⁹ Боратынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем. С. 12–13.

«Пирах» Дельвига уже три года не было в живых; на момент второй публикации в книге «Сумерки» в живых не было уже и названного там же Пушкина – неудивительно, что Вяземский словно бы представлял за весь дружеский поэтический круг. Впрочем, судя по письму Боратынского Вяземскому, датированному апрелем 1829 года, именно Вяземский в его глазах соединял некий круг в единое целое: «При Вас я видался со многими людьми, с которыми теперь не вижусь, потому что уже не надеюсь встретить Вас между ними. Вы были лентою, которая связывала пук, а без Вас он распался»²⁰.

Вместе с тем полное именование – «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» – для канона дружеского послания было несвойственно; вероятно, избирая его, Боратынский подчеркивает серьезность итогового текста. Шутливая, легкая, ироническая интонация дружеского послания и «Пиров» сменяется абсолютно серьезной репликой в разговоре о главном – пусть этот разговор и ведется на привычном обоим собеседникам языке.

Отметим и еще один контекст. Ритмико-строфическая модель послания, вероятно, отсылает не только к описательной поэме Боратынского, но и к пушкинскому роману в стихах «Евгений Онегин». Значимыми оказываются прежде всего непосредственные переклички с его посвящением:

Вам приношу я песнопенья,
Где отразилась жизнь моя:
Исполнена тоски глубокой,
Противоречий, слепоты
И между тем любви высокой,
Любви, добра и красоты²¹.

Сравним:

²⁰ Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. С. 222.

²¹ Боратынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем. С. 22.

...Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть – рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет²².

Как и в случае с «Пирами» речь, разумеется, идет не только о семантике метра (в случае четырехстопного ямба весьма условной) и даже не только о семантике жанра посвящения. В лирическом герое послания «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» легко угадываются узнаваемые «онегинские» черты – отшельничество, сознательный отказ от «моды», «молвы» и «шумного света». Отношение Боратынского к пушкинскому роману в стихах в разные годы менялось от восторженного приятия до весьма прохладной реакции²³, но даже негативные отзывы отнюдь не исключают более или менее осознаваемой автором переклички. Разумеется, этот «онегинский» контекст может быть непосредственно связан с адресатом послания – князем Вяземским, автором эпиграфа к первой главе романа и эпизодическим героем седьмой. Но можно предположить и более глубокую связь. И.Л. Альми убедительно показала тот общий комплекс психологических черт, который был свойственен лирическому герою ранних элегий Боратынского, в частности

²² Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 5. С. 7.

²³ Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. С. 203, 291.

«Разуверения» и «Признания», и герою пушкинского «романа в стихах»²⁴. Исходя из этой аналогии можно предположить, что герой послания «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» наделен чертами Онегина – но не столько Онегина заверченного романа, сколько того *будущего, вероятного* Онегина 1830-х, который остается в открытой перспективе пушкинского романа.

Магистральный путь позднего Боратынского был связан не столько с открытием новых жанровых образований или переосмыслением старых, сколько с резким и зачастую неожиданным соединением различных жанровых установок – примеры такого соединения мы видим в «Осени», «Бокале», «Недоноске», «Последнем поэте». По точному замечанию Л.Я. Гинзбург, поздний Боратынский – «поэт индивидуальных контекстов и совмещенных противоречий»²⁵. В «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» не только соединяются жанры послания и посвящения; стихотворение в значительной степени становится итогом собственного творчества, эпилогом жанра и метатекстом эпохи.

Столкновение разных жанров, мгновенное переключение кодов восприятия, апелляция к разным ценностным системам во многом определила мир позднего Боратынского как мир неразрешимых противоречий. Вероятно, именно они во многом затруднили восприятие лирики Боратынского его современниками – но они же и сделали ее притягательной для «читателей в потомстве» – поэтов XX века.

В частности, с посланием «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» непосредственно резонирует один из наиболее значимых ахматовских текстов 1940 года – «Почти от залетейской тени...» (во второй редакции – «Надпись на книге»). Стихотворение А.А. Ахматовой обращено к М.Л. Лозинскому – переводчику Данте и, что особенно

²⁴ Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб, 2002. С. 146–147.

²⁵ Гинзбург Л.Я. О лирике. М., 1997. С. 80

важно, одному из немногих оставшихся в живых свидетелей ее юности. Об особой роли М.Л. Лозинского как хранителя памяти поколения говорит запись Ахматовой, сделанная после его кончины, в 1957: «... смерть Лозинского каким-то образом оборвала нить моих воспоминаний. Я больше не смею вспоминать чего-то, что он уже не сможет подтвердить»²⁶. Согласно авторскому замыслу, стихотворение Ахматовой должно было играть роль посвящения к книгам «Тростник» и «Нечет», то есть – приблизительно такую же, какую послание-посвящение «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» играло в составе «Сумерек».

Сложно сказать, ориентировалась ли Ахматова непосредственно на стихотворение Боратынского, хотя именно в 1940 году она неоднократно обращалась к его творчеству, о чем свидетельствуют и взятые ею эпитафии к шестому изданию «Четок» и второй части «Поэмы без героя», и записи Л.К. Чуковской. Вероятно, в значительной степени здесь сработала не уникальная память текста, а общая память жанра. Тем не менее, область соприкосновения «Надписи на книге» с текстом, открывавшим «Сумерки», очень значительна. Подобно лирическому герою послания Боратынского, героиня ахматовского осознает себя за границей мира живых, по ту сторону Леты, и саму себя именуется «залетейской тенью»:

Почти от залетейской тени
В тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары²⁷.

Опорой в час обрушения миров становится у Ахматовой, как и у Боратынского, культ дружбы, причем высокое представление о ней также связано с юностью и ушедшей

²⁶ Ахматова А.А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. М., 2000. С. 21.

²⁷ Там же. Т. 1. С. 479

эпохой («Как тридцать лет тому назад...»). Смысловая, ритмическая, интонационная близость «Надписи на книге» к «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» обусловлена прежде всего тождественностью ситуации: в обоих случаях трезво осознающий окончательность своего разрыва с миром живых поэт обращается к последнему собеседнику как свидетелю иного времени и собственной юности:

Чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена, –
Мне улыбнулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад...²⁸

Таким образом, послание Боратынского не только закрепило за пушкинским кругом поэтов метафору плеяды и ее распада – в нем были подвергнуты переосмыслению, казалось бы, почти незыблемые каноны жанра, этой плеядой порожденного. Уход от жанрового канона в 1830-х – начале 1840-х определялся новой стратегией жизни – и столетие спустя, в совершенно других условиях именно эта стратегия оказалась востребованной. Дружеское послание – и в более раннем случае Боратынского, и в более позднем варианте Ахматовой – утратило свойственную ему условность героя, адресата и лирического сюжета. Оно стало письмом, обращенным к единственному понимающему читателю, но сохранило в себе память жанра как опыт ушедшего в небытие творческого содружества.

²⁸ Там же.

Сведения об авторах

Аверин Владимир Викторович – выпускник ИФИ РГГУ. Магистрант кафедры теоретической и исторической поэтики ИФИ РГГУ (программа подготовки «Теория литературы и литературное образование»). Область научных интересов: новейшая русская литература, история русской литературы 1920-х гг., визуальное в литературе, поэтика лирики, проблемы школьного литературного образования.

Артёмова Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета. Область научных интересов: лирика XX века, проблема адресата и особенности коммуникации лирики, лирические жанры в современной поэзии, жанр послания, поэзия Иосифа Бродского

Бойко Светлана Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы новейшего времени ИФИ РГГУ. Область научных интересов: история русской литературы XX–XXI века.

Гвоздецкая Наталья Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой английской филологии ИФИ РГГУ. Область научных интересов: языки, литература, история, культура средневековой Англии и Исландии.

Гельфонд Мария Марковна – доцент кафедры литературы и межкультурной коммуникации, академический руководитель ОП «Филология» Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород). Область научных интересов: история и теория лирики, комментарий и интерпретация, мемуарная проза.

Доманский Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики ИФИ РГГУ; старший научный сотрудник ГЦТМ им. А.А. Бахрушина. Область научных интересов: поэтика текста, рок-поэзия, драматургия, поэтика Чехова, театр, кино.

Егоров Борис Федорович – доктор филологических наук, профессор (С.-Петербург). Литературовед, культуролог, историк, специалист по истории русской литературы и общественной мысли XIX века, член Московско-тартусской семиотической школы. Автор более 400 научных статей и 14 книг.